Глава 6. Сирота.

*

Двенадцатилетний Матфей проснулся от крика. Жуткого леденящего душу крика, стихшего столь же быстро, как и возникшего. На смену ему пришел плач младенца.

Встав, раздираемый страхом и любопытством мальчик пошел на звук. Идти оказалось недалеко: шесть шагов до распахнутой настежь двери родительской спальни. Увиденное там впечаталось в детскую память калёным железом.

Стоящая на полке лампада озаряла колеблющимся светом комнату, на полу которой распластались семь тел: шесть детских и женщина, прижимающая к себе годовалую дочурку. На всех жуткие раны, пол в лужах крови. Чуть в стороне незнакомец с закрытым платком лицом держит за шею отца. И звуковым сопровождением плач из колыбельки.

Заметив свидетеля, неизвестный секунду дал ему полюбоваться картинкой, затем лениво взмахнул кинжалом, рассекая шею мужчины. Кровь ударила в потолок. Затем убийца неспешно прошел к колыбели. Снова сверкнул кинжал. Плач оборвался.

Глянув на оцепеневшего от ужаса ребёнка, незнакомец бросил лампаду в стену над кроватью. Та разбилась, горящее масло хлынуло во все стороны, поджигая одеяло. А сам незванный гость выбил окно и исчез в темноте.

Матфей мог ещё долго стоять столбом, но в некий момент его схватили за руку и потащили прочь. Только на улице он опознал в спасителе одиннадцатилетнюю сестру. Тут же оказался девятилетний брат. А от ближайших домов к разгорающемуся пожару уже бежали соседи.

Далеко на горизонте занимался рассвет.

Мальчик сел на землю и заплакал.

Официально Лука въехал в деревню около полудня следующего дня. Небо затянуло серыми тучами, накрапывал дождик. Чернеющее меж домов пепелище нагоняло тоску. Лица крестьян были мрачными. Смерть сама по себе не сахар, а полноценное убийство в этой глуши стало событием, затронувшим всех.

Отдохнувшая почти сутки лошадь радостно перебирала ногами. Однако всадник её чувств не разделял. Своими глазами увидев обугленный остов родного дома, Лука ощутил, как в груди сжалось сердце. И это у него, человека, который шел к званию архимага по трупам. Иногда в прямом смысле слова.

Некоторое время молодой монах ехал, заморожено глядя на пепелище. В душе бушевал ураган эмоций: грусть по родным, гнев на заказчиков убийства, нежелание мириться с реальностью, тоска по дому, образы которого раз за разом возникали из детских воспоминаний.

И нерушимым стальным столбом сквозь этот вихрь проходила уверенность в правильности своих действий. Да, сейчас плохо и ему и всем вокруг. Но пройдет время, боль утихнет, люди смирятся с потерей и продолжат жить дальше.

На самом деле кроме озвученных родителям был ещё один вариант: убить врагов и намекнуть

нужным людям, что он догадывается, кто их послал. Тогда те люди поостерегутся трогать родных, чтобы подозрения не переросли в уверенность. Это давало семье определённый уровень защиты, но плохо влияло на успешность карьеры. Перспективный гончий должен ненавидеть колдунов, а не подозревать начальников.

Однако оставалась уже означенная проблема: живые родичи становились заложниками. Любой властью имущий сможет надавить на него, угрожая семье. Текущий вариант не решал проблему, но выводил из игры хоть часть людей. На данном этапе Луке необходимы были заложники, чтобы ему больше доверяли. А потом он найдёт способ убрать их с доски или сделать недостижимыми для зложелателей.

В прошлом Харон неоднократно заводил себе близких: женщины, ученики, приёмные дети. Но большая их часть гибла в процессе интриг, так как они являлись для него всего лишь разменными фигурами. Сначала позволить на себя надавить, а потом, когда враг расслабиться и решит, что ты у него на коротком поводке, нанести ответный удар, игнорируя заложников. Очень жестоко и эффективно.

Вот только в этот раз готовности разбрасываться жизнями Лука не ощущал. Наверно из-за детства. Ребёнок инстинктивно привязывается к людям, от которых зависит.

С такими мыслями молодой гончий въехал в деревню. Его узнали. А он узнавал односельчан, с которыми расстался десять лет назад.

Тела уже разложили по свежесколоченным гробам.

У церкви Лука увидел деда, ещё крепкого пятидесятилетнего мужчину. Но если десять лет назад он ходил с гордой спиной, то сейчас сгорбился, а в тёмные волосы вкралась седина.

Трое выживших детей пребывали в апатии. Не хотели есть, не хотели двигаться, только смотрели в одну точку.

Сердце кольнуло чувство вины. Ещё три поломанные судьбы.

Но ощущение быстро прошло. В прошлой жизни Харон привык быть эгоистом и ставить свои желания превыше чужих чувств. А в этой жизни у него была цель. Большая цель. Если он будет щадить чувства окружающих, ничего не добьётся. Сильным называют не того человека, который соглашается со всеми и прогибается под обстоятельства, а того, кто идёт вперёд вопреки мнению других. И какое бы решение ни принял человек, всегда найдутся люди, которые пострадают от этого. Разрешить ситуацию ко всеобщей выгоде удаётся лишь в единичных случаях. Исключения, лишь подтверждающие правило.

Однако посмотреть в глаза ребёнка, видевшего смерть родных от твоих рук, всё равно оказалось дьявольски тяжело. Пересилив себя, Лука вымучено улыбнулся и обнял братьев с сестрой. На глаза сами собой навернулись слёзы. Он не сдерживался. Излить чувства сейчас будет лучшим решением.

Прибывший на место епископ Фома находился в недоумении. Договаривались же на ритуал колдунов. Какой, к бесам, пожар? Какой маньяк-убийца? Три дня речь писал, а всё зря.

Впрочем, иерарх быстро взял себя в руки. Ситуация изменилась, но в пределах допустимого. Надо только внушить детям, что произошедшее – дело рук колдунов. И позаботиться о

выживших. Да, с выжившими даже лучше.

Набросав в уме новую речь, епископ обратился к сиротам.

- Дети мои, скорблю о погибших вместе с вами. Андрей был благочестивым и благонравным священником. Кто мог покуситься на его жизнь? У верующего рука не поднимется оборвать столь праведную жизнь. Только низкие колдуны способны на столь бесчестный шаг! К нашему прискорбию в округе орудует шайка колдунов. Убиения младенцев, жертвоприношения, изнасилования – неполный список их преступлений. И вот ещё одно злое деяние, которое церковь не сумела предотвратить. Но мы не сдадимся! Рано или поздно мы поймаем этих мерзавцев и показательно предадим костру!

Одобрительные крики были ему ответом. Глаза осиротевших детей сияли праведным гневом.

До Забытинска Лука добрался без приключений. В положенный срок он узрел городок, состоящий из двух сотен домов, образующих две улочки вдоль реки. По центру возвышалась церковь с колокольной, рядом трёхэтажный особняк градоправителя. Вокруг них раскинулся островок двухэтажных каменных домов, постепенно переходящих в обычные деревянные. Окраину окаймляли ветхие лачуги и сараи, приютившие местное дно общества.

На другой стороне города в четырёх сотнях шагов от крайних домов располагался огороженный стеной участок с десятком строений. Монастырь Святого Варфоломея, который должен был стать домом молодого монаха на ближайшие годы.

Проехав через город, Лука достиг ворот в каменной стене высотой в человеческий рост. С интересом оглядел створки, кои намеревался отмыть до блеска в ближайшее время.

Постучал.

Открыли быстро. Увидев молодого парня в великоватой форменной робе гончих, привратник расплылся в улыбке.

- Святой сын Лука? – уточнил он.

- Да, - подтвердил юный гончий, - только в будущем, пожалуйста, без святого сына. Я простой монах.

- Как скажите, святой сын.

Что в лоб, что по лбу.

Лука скривился, но промолчал. Видимо, в Забытинске его приезд стал событием, которое будут обсуждать ещё полгода. Поэтому стоит подготовиться к повышенному вниманию.

Проехав внутрь, путешественник спешил и поинтересовался:

- Когда я смогу встретиться со старшим братом Иаковом?

- Он уже ожидает вас в своей келье.

Нынешний городской гончий, он же куратор молодого коллеги, оказался дядькой лет сорока с наметившейся лысиной и обтянутой рясой пузом, выдававшим наличие у него нерядовых привилегий. Живые глаза намекали, что перед молодым монахом хитрый лис, между хлебной должностью гончего и сомнительными прелестями бытия колдуна выбравшего первое.

Вот только перед глазами Луки почему-то стоял совсем другой человек. Тоже полноватый, но в одеждах торговца. Мелкий лавочник. Пелей Август. Первый отец.

Видения накладывались, два человека то сливались воедино, то вновь разделялись.

Однако бывший архимаг быстро взял себя в руки и вежливо поклонился.

- Приветствую старшего брата Иакова.

- Младший брат Лука? – монах осмотрел парня с ног до головы, особо отметив два клинка за спиной. – Как добрался?

- В дороге произошли два происшествия, - изобразил горечь Лука.

- Целых два? – удивился куратор.

- Во-первых, я встретился с колдуном.

- И?

- Увы, позорно проиграл, - опустил очи молодой монах. – Без артефактов я никто. Пришлось спастись бегством.

- Учитывая то, что это твой первый раз, всё в порядке, - утешил его старший коллега. – Главное, живым остался. К следующему разу подготовишься получше. Артефакты получил?

- Получил.

- Хорошо. А второе происшествие?

- Я вернулся домой. А там... - Лука шмыгнул носом, - пепелище. Колдуны убили моих родителей. И братьев-сестёр. А потом сожгли дом.

- Сочувствую, - положил руку на плечо младшего Иаков. – У меня тоже когда-то в молодости... все погибли. Но это пройдёт. Время лечит. А пока... как насчёт отведать другого лекарства?

- Вы о чём? – изобразил изумление парень, по хитрому прищурю понявший, что речь идёт отнюдь не об успокоительных травках. А память архимага тут же выдала десяток вариантов разной степени запретности.

- Пойдём, покажу, - куратор поманил младшего за собой и уверенно пошел к выходу.

Лука последовал за ним, гадая, какое именно «лекарство» ему собираются предложить и как на предложенное реагировать, чтобы не запороть легенду?